

УДК 811.161.3

Ирина Владимировна Лешкевич*канд. филол. наук, доц., доц. каф. фонетики и грамматики английского языка
Минского государственного лингвистического университета***Irina Leshkevich***Candidate of Philological Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of Department of Phonetics and English
of Minsk State Linguistic University
e-mail: ms.lyashkevich@mail.ru*

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ЭМОТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В АНАЛИТИЧЕСКИХ МЕДИАЖАНРАХ НА БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассматриваются особенности функционирования эмотивных высказываний в аналитических медиажанрах на белорусском языке. Выделяются структурные схемы эмотивных высказываний, наиболее типичных для аналитических статей и рецензий из белорусской прессы, анализируется их лексическое наполнение исконно- и контекстуально-эмотивными единицами. Установлено, что любая лексема может приобрести эмотивность в контексте аналитических жанров белорусского медиадискурса.

Ключевые слова: эмотивное высказывание, структурная схема, эмотивная лексема, аналитическая статья, рецензия.

Structural-Semantic Organization of Emotive Utterances in Analytical Media Genres in the Belarusian Language

The paper presents the study of the emotive utterances functioning in the analytical media genres of the Belarusian languages. The structural schemes of emotive utterances and their lexical content in analytical articles and reviews have been revealed.

Key words: emotive statement, structural scheme, emotive lexeme, analytical article, review.

Введение

Активное развитие таких отраслей языкознания, как аксиологическая, гендерная, коммуникативная лингвистика, анализ дискурса и др., показывает, что ни одно из этих направлений не может обойтись без знаний об эмотивных аспектах языковых, речевых и текстовых единиц. Однако сегодня продолжает ощущаться нехватка научных работ, посвященных изучению выражения эмоций не просто в языке, но и в речи с учетом особенностей сфер употребления, где эмотивность играет важное значение. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена отсутствием работ по изучению репрезентации семантико-прагматической категории эмотивности на синтаксическом уровне на материале белорусскоязычных медиажанров.

Выражение эмоционального состояния – одна из черт, отличающих аналитические медиатексты. Эмотивность медиатекста направлена на то, чтобы вызвать у реципиента определенную эмоциональную реакцию, психологический резонанс и по-

средством чувственного сообщения, с одной стороны, предоставить ему более яркую картину рациональной стороны статьи, а с другой – оказать на него воздействие.

Материалом данного исследования служат 50 аналитических статей и рецензий из белорусских периодических изданий за 2018–2020 гг.: «СБ. Беларусь сегодня», «Народная газета», «Рэспубліка», «Звязда», «Літаратура і мастацтва» и др.

Основная часть

Речевое сообщение, аналитическая статья, рецензия, возникают в результате преломления фрагмента объективной действительности (или события) в сознании журналиста и его воплощения в комплексе лексических и грамматических значений, имеющих свое формальное выражение. «Адресат сообщения получает информацию не только непосредственно об отражаемой ситуации, но также о том, какое место она занимает в мире говорящего, какую оценку говорящий ей дает» [1, с. 127], какое эмоциональное состояние она выражает.

Исследователи выделяют отдельные высказывания, назначение которых – репрезентация эмоций адресанта (В. И. Шаховский, А. В. Довгаль).

В теории языка существует множество подходов к определению понятий «предложение» и «высказывание» [1; 2]. На синтаксическом уровне проводится различие между предложением как типовой (виртуальной) единицей языка и высказыванием (актуальной единицей) как реализацией предложения в конкретной речевой ситуации, т. е. в тексте [3, с. 20; 1, с. 117].

Под предложением понимается общая схема его построения (О. И. Москальская, Б. Ю. Норман, F. Daneš), а в качестве синонимов понятия «структурная схема» используются термины «конструкция», «формула», «отвлеченный образец», «модель» (М. Я. Блох, Ю. А. Левицкий, О. И. Москальская, А. И. Смирницкий, Ю. С. Степанов, Н. Ю. Шведова).

Высказывание определяется как «лексическое, морфологическое и фонетическое воплощение структурной схемы предложения» [4, с. 133] и характеризуется связью с контекстом и ситуацией (М. Я. Блох, Г. В. Колшанский, Ю. С. Степанов). Следовательно, минимальная единица текста – высказывание – обладает структурной цельностью: в основе ее лежит определенный исходный образец, структурная модель. Все высказывания, в т. ч. даже самые «индивидуальные», самые оригинальные, строятся по узаконенным в данном языке моделям (Н. Д. Арутюнова, В. Г. Гак, С. И. Кокорина). Принимая во внимание вышесказанное, уточним определение эмотивного высказывания.

Эмотивное высказывание – высказывание со структурной схемой, в которой позиция подлежащего, предиката-сказуемого или связанных с ним обязательных структурных компонентов (определения к предикативу, дополнения, обстоятельства) заполнена словом с эмотивной семантикой. Корпус анализируемых эмотивных высказываний представлен элементарными предикативными единицами. Под элементарной предикативной единицей нами понимается любая монопредикативная единица: как простое предложение, так и часть, конституирующая полипредикативное сложное предложение.

Необходимо отметить, в лингвистике нет единого понимания структурной схемы и нет окончательного перечня структурных схем, что связано с отсутствием единых критериев выделения их конституирующих компонентов. Обзор предпринятых исследований позволяет утверждать о существовании двух основных подходов к пониманию структурной схемы, которые отличаются различным определением минимума высказывания. Так, первый подход основан на традиционном учении о главных членах предложения и вводит в структурную схему лишь те компоненты предложения, которые образуют его предикативное ядро [5, с. 85]. Однако данная концепция подвергается критике, поскольку оказывается недостаточной для установления типологии предложений и ведет к построению аграмматичных предложений [6, с. 87; 3, с. 25].

Поэтому мы разделяем точку зрения тех ученых, которые понимают минимум высказывания как «предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции» [7, с. 306]. В определении модели подчеркивается «минимально достаточное сочетание взаимообусловленных синтаксических форм, образующее коммуникативную единицу с определенным типовым значением» [8, с. 124], «основа структурно полного (т. е. завершеного в плане абсолютного употребления, независимого от частных условий контекста) конкретного предложения» [9, с. 92–93]. Таким образом, во втором подходе к описанию структурной схемы учитывается не только ее формальная, но и смысловая достаточность, а формулы предложения чаще всего выводятся исследователями с опорой на глагольное ядро с учетом его обязательных определителей [10, с. 349–350]. В рамках этого подхода разработаны, например, системы структурных моделей Д. Байбера и его соавторов, Г. Г. Почепцова и Ю. А. Левицкого [2; 11; 12].

Так, при выделении схем Г. Г. Почепцов руководствуется принципом конструктивной значимости синтаксических элементов. Конструктивно значимыми считаются такие элементы, опущение которых нарушает грамматическую правильность конструкции, влияет на грамматические и лексико-семантические характеристики остающихся элементов [12, с. 45]. Поскольку его систе-

ма структурных схем основана на синтагматических связях глаголов (т. е. их необходимых спутниках), то в ядерные структуры вводятся в качестве составных элементов различные типы дополнений и обстоятельств. Ю. А. Левицкий также отмечает, что достаточность/недостаточность того или иного набора компонентов простого предложения зависит от «семантики конкретного глагола, его валентностных свойств: некоторые глаголы являются семантически несамостоятельными, недостаточными и требуют наличия связанного с ними существительного (группы существительных) или наречия» [2, с. 166]. Взгляд на глагол как конструктивный центр высказывания, организующий его структуру и задающий его лексический и позиционный состав, отражен в работах многих исследователей (Л. Теньер, Л. Чейф, Т. П. Ломтев, Б. Ю. Норман). Таким образом, позиции именных компонентов, «предсказанные» валентностью глагола [13, с. 121], являются обязательными для данного типа конструкции, а позиции, которые «не заданы» семантическими свойствами глагола, считаются необязательными, факультативными.

Эмотивные лексические единицы являются опорными элементами порождения и восприятия эмотивных высказываний. Лексемы с эмоциональным значением отбирались нами на основе наличия в лексикографическом толковании слова семы, передающей ощущения, переживания, чувства. Так, в значении прилагательного *шчыры* сема 'искренний' является ядерной: '1. Праўдзівы, чыстасардэчны, адкрыты. 2. Задушэўны; інтымны. 3. Сардэчны, душэўны'. В качестве индикатора эмоционального отношения могут выступать слова *пачуццё, настрой, эмоцыя*, например: *пачуццё ласкі, замілавання, мяккасці ў адносінах да каго-, чаго-н'*; *эйфарыя 'стан прыўзнятага настрою, бестурботнасці, задавалення, якое не адпавядае аб'ектыўным умовам'*.

По степени эмоциональности среди эмотивов выделяют аффективные лексические единицы (Е. М. Вольф, В. И. Шаховский, Е. А. Завадская). Критерием их выявления служит наличие в словарной статье наречий образа действия, степени и/или интенсификаторов, указывающих на чрезмерность признака или на заинтересованность

субъекта. В семантике слов *захапленне* и *праклён* эмоциональное отношение сочетается с интенсификацией, показателями которой выступают прилагательные *незвычайны* 'необыкновенный', *крайняе* 'крайнее', например: *захапленне 'незвычайны ўздым пачуццяў, найвышэйшае задавальненне'*; *праклён 'крайняе асуджэнне, якое суправаджаецца злавесным прадраканнем, пажаданнем'*. Отличительная черта эмотивов заключается в том, что их иллокутивной целью является эмоциональное воздействие на собеседника и в результате изменение его эмоционального состояния.

Однако группа эмотивов включает не только лексические единицы, обозначающие определенные эмоции, или, иными словами, предметно-логическое содержание которых составляют понятия об эмоциях (*трывога* 'тревога', *боль* 'боль', *любоў* 'любовь', *нахабна* 'нагло'), но и лексемы, «эмоциональный компонент которых возникает на базе логико-предметного содержания слов, и, раз возникнув, характеризуется тенденцией вытеснять его или сильно модифицировать» [14, с. 154]: *бурліць* 'бурлить', *цікавы* 'интересный', *адмыслы* 'особый'. Таким образом, речь идет об *исконно-эмотивных* лексемах и *узуальных имплицативах* соответственно. *Узуальные имплицативы* вместе с *окаzionaliальными* составляют группу *контекстуальных эмотивов*.

К узуальным имплицативам мы относим слова, в значениях которых эмосема так же, как и в значениях исконно-эмотивных, входит в системное значение слова, отражена в словарях, но является периферийной, т. е. семой, обозначающей непостоянные и необязательные признаки предмета. В примере *Меры стымулявання – адмысловыя тарыфы* (Звезда, 20.08.20) к таким словам, на наш взгляд, можно отнести эмотив *адмыслы* 'своеасаблівы, адметны, непаўторны', где *своеасаблівы* 'які мае адметныя ўласцівасці, якасці, прыметы; не падобны на іншых, незвычайны, арыгінальны'. Эта лексическая единица включена в подгруппу узуальных имплицативов на том основании, что она не называет эмоцию, но имеет в структуре значения элемент, который актуализуется в контексте и придает значению слова эмотивный тон, обнаруживаемый с помощью анализа словарных дефиниций.

К группе окказиональных имплицитивов отнесены лексические единицы, в которых эмосема возникает в контексте аналитической статьи или рецензии и может определяться критическим анализом события, факта или произведения искусства. Анализ белорусскоязычных статей показал, что в медиадискурсе практически любое слово способно выражать эмоции. Данный факт можно объяснить тем, что отношение человека к объектам мира присутствует как в номинации, так и в коммуникации, поскольку мы отражаем, обозначаем и чувствуем одновременно. И это отношение в зависимости от ситуации может стать эмоциональным. К способам приращения эмосемы относятся *ситуация, макро- и микро-контексты, экспрессивный синтаксис*.

Примером подгруппы окказиональных имплицитивов может служить лексическая единица *правакатар* 'тайны агент, які дзейнічае шляхам правакацыі', которая не содержит эмотивных компонентов в структуре значения, но приобретает отрицательный эмотивный смысл в контексте и используется для критики участника митинга: *Мы ідэнтыфікавалі правакатара* (Звязда, 20.08.20). Следовательно, контекст не только помогает реципиенту выбрать из множества словарных значений языковой единицы те, которые актуальны в той или иной ситуации, но и те, которые способствуют изменению семантики слова: лексическая единица может приобрести эмотивную коннотацию.

На следующем этапе исследования рассматривается употребление эмотивов в высказываниях аналитических статей и рецензий. В соответствии с характером сказуемого (именным или глагольным) эмотивные высказывания распределены по двум группам. Так, первая группа представлена эмотивными высказываниями с именным сказуемым, построенным по следующим структурным схемам: ScorPa, ScorPadv, ScorPn, ScorAPn, где S – подлежащее, сор – глагол-связка, Pa – предикативное прилагательное, Padv – предикативное наречие, Pn – предикативное существительное, A – определение. Например:

1) ScorPa: *Эйфарыя зразумелая* (НВ, 18.08.20); *Жартоўны праклён са старой савецкай камедыі гэтым летам актуальны*

як ніколі. *Работа цікавая і пазітыўная* (Звязда, 20.08.20);

2) ScorPadv: *Тамтэйшаму каралю стала крыўдна. Мне заўжды было вельмі балюча* (Звязда, 20.08.20);

3) ScorPn: *Галоўнае для яго – павага людзей* (Звязда, 20.08.20); *У Віцебскай вобласці, дзе ён (баршчэўнік) стаў сапраўднай эпідэміяй* (Звязда, 25.03.2016).

Отдельного внимания заслуживают эмотивные высказывания, построенные по схеме ScorAPn, где A – определение, выраженное эмотивным прилагательным, Pn – предикатив, выраженный неэмотивным существительным: *Меры стымулявання – адмысловыя тарыфы* (Звязда, 20.08.20); *Мы талерантны і спакойны народ... Мы прыязны народ* (Звязда, 20.08.20). В выделенной структуре предикативную позицию могут занимать самые общие обозначения лица или произведения (*чалавек, жанчына, народ, фільм* и т. д.), а основную информативную и коммуникативную нагрузку в таких высказываниях несет адъективный компонент [3, с. 49–50], поэтому он включается в состав структурной модели. Об обязательности в некоторых случаях определенных к имени писали А. Гроот [15] и Д. Уорс [16]. На «информативную недостаточность ряда образцов», или структурных схем указывает Г. А. Золотова [6, с. 86]. В качестве решения этого вопроса она предлагает дополнить структурную схему набором минимальных моделей реализации данной схемы, в которых схема распространяется «облигаторными распространителями» [6, с. 86].

Таким образом, вслед за Г. А. Золотовой мы полагаем, что роль компонентов структурной схемы эмотивных высказываний должна определяться необходимостью и достаточностью для их существования без контекста. В. Г. Адмони обращает внимание на то, что структурно-семантическое ядро «образуется из сочетания структурного ядра с непосредственно прилегающими к нему и тесно связанными с ним компонентами предложения, так что является как бы реальным семантически насыщенным телом предложения, а не только его структурной схемой», [10, с. 349–350].

В группе эмотивных высказываний с глагольным сказуемым дифференцируются следующие структуры: SPv, SPvAdv, SPvOpr, SPvOd, SPvOi, где S – подлежащее,

Pv – глагольное сказуемое, Od – прямое дополнение, Opg – предложное дополнение, Oi – косвенное дополнение и Adv – обстоятельство. Например:

1) SPv: *Сёння Беларусь не бурліла б... хто лютаваў* (НВ, 18.08.20); *Мужчына паскардзіўся* (Звязда, 20.08.20);

2) SPvAdv: *Нахабна дзейнічалі чыноўнікі вертыкалі* (НВ, 18.08.20); *Ці жартам, ці ўсур'ёз работнікі пасольства казалі...* (Звязда, 20.08.20);

3) SPvOpr: *...Як здэкаваліся... з пратэстоўцаў* (НВ, 18.08.20); *Мы... з непако-ем і бо-лем глядзім...* (Звязда, 20.08.20);

4) SPvOd: *...Які вельмі любіў вестэрны* (Звязда, 20.08.20); *Музейшчыкі забілі трывогу. Выклікае заклапочанасць безабароннасць старадаўніх надмагілляў* (Звязда, 20.08.20); *Наталля Якубіцкая супакоіла жанчыну* (Звязда, 20.08.20); *Такія ж праблемы хваляюць і Марыю* (Звязда, 20.08.20); *Беспакаранасць параджае нахабнасць* (Звязда, 20.08.20);

5) SPvOi: *Я вельмі ганарыўся сваёй краінай; Спачатку яны крыху саромеюцца такой ўвагі* (Звязда, 20.08.20).

В приведенных примерах эмоциональное отношение может быть выражено глагольным сказуемым (*лютаваў, здэкаваліся, хваляюць*) и/или дополнением (*нахабнасць, трывогу*), а также обстоятельством (*нахабна, усур'ёз*).

Эмотивные высказывания представляют собой определенную реакцию человека на объекты и явления окружающего мира, которые затрагивают в первую очередь личный мир говорящего, его цели и установки, нормы поведения и которые поэтому он воспринимает как важные для себя. Отсюда эмотивные высказывания чаще всего имеют чисто субъективный характер и связаны с психологическими особенностями восприятия конкретных предметов и явлений отдельным человеком. Их область действия распространяется чаще всего на самые актуальные предметы, порой на самые негативные из них, а также на объекты, ко-

торых связаны с личной заинтересованностью субъекта. Кроме того, в медиажанрах эмотивные высказывания используются для оказания запланированного воздействия на читательскую аудиторию.

Заклучение

В результате комплексного анализа структуры и семантики эмотивных высказываний, функционирующих в аналитических медиажанрах белорусской прессы, были установлены структурные схемы и типы эмотивов, которые их вербализуют. Структурные схемы включают не только предикативное ядро, но и обязательные структурные компоненты: определение к предикативу, дополнение и обстоятельство. Таким образом, речь идет о расширенных структурных схемах, по которым строятся эмотивные высказывания.

Выделена группа эмотивных высказываний с именным сказуемым, в которых предикатив выражен эмотивным прилагательным, существительным или наречием, а также высказывания с глагольным сказуемым, в которых эмотивом может быть не только глагол, но и обстоятельство, прямое, косвенное или предложное дополнение.

Выявлены типы эмотивов, вербализующих структурные схемы высказываний, а именно: *исконно- и контекстуально-эмотивные лексические единицы (узусальные и окказиональные имплицитивы)*.

Анализ высказываний из аналитических статей и рецензий показал, что в белорусскоязычном медиадискурсе практически любое слово способно выражать эмоции и приобретать эмотивную коннотацию в контексте. Эту закономерность можно объяснить спецификой аналитических жанров, предлагающих читателю критический анализ событий или произведений искусства, а также тем фактом, что отношение человека к объектам мира присутствует как в номинации, так и в коммуникации, поскольку мы отражаем, обозначаем и чувствуем одновременно.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Норман, Б. Ю. Синтаксис / Б. Ю. Норман // Общее языкознание. Структура языка. Типология языков и лингвистика универсалий : учеб. пособие / Н. Б. Мечковская [и др.] ; под общ. ред. А. Е. Супруна. – 2-е изд., перераб. и доп. – Минск, 1995. – С. 117–141.

2. Левицкий, Ю. А. Основы теории синтаксиса : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : URSS : КомКнига, 2005. – 368 с.
3. Москальская, О. И. Проблемы системного описания синтаксиса: на материале немецкого языка : учеб. пособие / О. И. Москальская. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Высш. шк., 1981. – 175 с.
4. Норман, Б. Ю. Теория языка: вводный курс : учеб. пособие для вузов / Б. Ю. Норман. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 292 с.
5. Русская грамматика : в 2 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 2 : Синтаксис. – 709 с.
6. Золотова, Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1982. – 368 с.
7. Арутюнова, Н. Д. Синтаксис / Н. Д. Арутюнова // Общее языкознание: внутренняя структура языка ; отв. ред. Б. А. Серебrenников. – М., 1972. – С. 259–344.
8. Золотова, Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка / Г. А. Золотова. – М. : Наука, 1973. – 351 с.
9. Сусов, И. П. Семантическая структура предложения: на материале простого предложения в современном немецком языке / И. П. Сусов. – Тула : Тул. гос. пед. ин-т, 1973. – 141 с.
10. Адмони, В. Г. Синтаксис современного немецкого языка: система отношений и система построения / В. Г. Адмони ; АН СССР, Ин-т языкознания. – Л. : Наука, 1973. – 366 с.
11. Longman grammar of spoken and written English / D. Biber [et al.]. – London : Pearson Education, 2000. – 484 p.
12. Почепцов, Г. Г. Конструктивный анализ структуры предложения / Г. Г. Почепцов. – Киев : Вищ. шк., 1971. – 191 с.
13. Теньер, Л. Основы структурного синтаксиса / Л. Теньер ; пер. с фр. И. М. Богуславского [и др.] ; общ. ред. В. Г. Гака. – М. : Прогресс, 1988. – 654 с.
14. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык : учеб. для вузов / И. В. Арнольд. – 9-е изд. – М. : Флинта : Наука, 2009. – 384 с.
15. Groot, A. W. Classification of word groups / A. W. Groot // *Lingua*. – 1957. – Vol. 6. – P. 113–157.
16. Уорс, Д. С. Трансформационный анализ конструкций с творительным падежом в русском языке / Д. С. Уорс // Новое в лингвистике : сборник ; сост. В. А. Звегинцев – М., 1962. – Вып. 2. – С. 637–683.

REFERENCES

1. Norman, B. Yu. Sintaksis / B. Yu. Norman // *Obshchieje jazykoznanie. Struktura jazyka. Tipologija jazykov i lingvistika univiersalij : uchieb. posobie* / N. B. Miechkovskaja [i dr.] ; pod obshch. ried. A. Ye. Supruna. – 2-e izd., pierierab. i dop. – Minsk, 1995. – S. 117–141.
2. Lievickij, Yu. A. Osnovy tieorii sintaksisa : uchieb. posobie / Yu. A. Lievickij. – 3-e izd., ispr. i dop. – M. : URSS : KomKniga, 2005. – 368 s.
3. Moskal'skaja, O. I. Problemy sistiemnogo opisanija sintaksisa: na matierialie niemieckogo jazyka : uchieb. posobie / O. I. Moskal'skaja. – 2-e izd., pierierab. i dop. – M. : Vyssh. shk., 1981. – 175 s.
4. Norman, B. Yu. Tieorija jazyka: vvodnyj kurs : uchieb. posobie dlja vuzov / B. Yu. Norman. – M. : Flinta : Nauka, 2004. – 292 s.
5. Russkaja grammatika : v 2 t. / AN SSSR, In-t rus. jaz. ; riedkol.: N. Yu. Shviedova (gl. ried.) [i dr.]. – M. : Nauka, 1980. – T. 2 : Sintaksis. – 709 s.
6. Zolotova, G. A. Kommunikativnyje aspiekty russkogo sintaksisa / G. A. Zolotova. – M. : Nauka, 1982. – 368 s.
7. Arutiunova, N. D. Sintaksis / N. D. Arutiunova // *Obshchieje jazykoznanie: vnutriennaja struktura jazyka ; otv. ried. B. A. Sieriebriennikov*. – M., 1972. – S. 259–344.
8. Zolotova, G. A. Ochierk funkcional'nogo sintaksisa russkogo jazyka / G. A. Zolotova. – M. : Nauka, 1973. – 351 s.
9. Susov, I. P. Siemantichieskaja struktura priedlozhenija: na matierialie prostogo priedlozhenija v sovriemiennom niemieckom jazykie / I. P. Susov. – Tula : Tul. gos. pied. in-t, 1973. – 141 s.

-
10. Admoni, V. G. Sintaksis sovremennogo nemieckogo jazyka: sistiema odnoszenij i sistiema postrojenija / V. G. Admoni ; AN SSSR, In-t jazykoznanija. – L. : Nauka, 1973. – 366 s.
 11. Longman grammar of spoken and written English / D. Biber [et al.]. – London : Pearson Education, 2000. – 484 p.
 12. Pochiepcov, G. G. Konstruktivnyj analiz struktury priedlozhenija / G. G. Pochiepcov. – Kijev : Vyshch. shk., 1971. – 191 s.
 13. Ten'jer, L. Osnovy strukturnogo sintaksisa / L. Ten'jer ; pier. s fr. I. M. Boguslavskogo [i dr.] ; obshch. ried. V. G. Gaka. – M. : Progress, 1988. – 654 s.
 14. Arnol'd, I. V. Stilistika. Sovremennij anglijskij jazyk : uchieb. dlja vuzov / I. V. Arnol'd. – 9-e izd. – M. : Flinta : Nauka, 2009. – 384 s.
 15. Groot, A. W. Classification of word groups / A. W. Groot // Lingua. – 1957. – Vol. 6. – P. 113–157.
 16. Uors, D. S. Transformacionnyj analiz konstrukcij s tvoritel'nym padiezhom v russkom jazyke / D. S. Uors // Novoje v lingvistike : sbornik ; sost. V. A. Zviegincev – M., 1962. – Vyp. 2. – S. 637–683.

Рукапіс надіслано у редакцію 29.01.2021